

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ALI И ALIBA
В ОЙРАТСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА
(на материале сутры «Царь благих пожеланий»)**

**The Peculiarities of Functioning of Interrogative Pronouns
Ali and *Aliba* in the Oirat Translations from the Tibetan Language
(the Case Study of the Sutra “King of Aspiration Prayers”)**

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹ младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности функционирования двух семантически близких вопросительных адъективных местоимений *ali* и *aliba* в ойратском переводе тибетского памятника «Царь благих пожеланий» в контексте адаптации буддийской литературы и классических текстов. Сравнительный анализ перевода и оригинала текста позволяет выявить различия в семантике вышеуказанных местоимений, а также проследить принцип подбора переводчиком (Зая-пандитой) ойратских эквивалентов тибетским словам.

Ключевые слова: переводческая традиция, тибетский язык, ойратский язык, вопросительные адъективные местоимения, ойратские эквиваленты.

Zaya Pandita Namkhai Jamtsu's translated works are distinguished by high degree of accuracy in the translation of grammar peculiarities of the written Tibetan language into the Oirat language. The article considers the peculiarities of functioning of the two semantically close adjectival interrogative pronouns *ali* and *aliba* as Tibetan equivalents of the interrogative pronouns *gang* and its forms: *gang rnam* и *gang yang* in the Oirat translation of the Tibetan sutra „King of Aspiration Prayers“. The article observes the principle of the translator's selecting the Oirat equivalents to every Tibetan words and reveals the difference between the pronouns *ali* and *aliba*. The first of them has an interrogative function, while the second expresses generalization, imprecision and uncertainty.

Keywords: translation tradition, Tibetan language, Oirat language, adjectival interrogative pronouns, Oirat equivalents.

Большой вклад в распространение буддийского канона среди монголоязычных народов внесли переводчики — знатоки санскрита, тибетского языка, монгольской и ойратской письменностей. Переводы с тибетского на монгольский и ойратский письменные языки, хотя и были сопряжены с огромными трудностями, оказали огромное влияние на формирование переводческой и лексикографической традиций монголоязычных народов, развитие сопоставительных исследований тибетского и монгольских языков [Лувсанбалдан 1986; Яхонтова 1996; Орловская 2000; Цендина 2001; Сазы-

кин 2003; Ойратский словарь поэтических выражений 2010; Омакаева 1987; 2010; Батнайрамдал, Мөнх-Эрдэнэ 2010; Музраева 2012; Чоймаа 2015 и др.].

Труды известного ойратского просветителя, талантливого переводчика, Зая-пандиты Намкай Джамцо предварили окончательное сложение направления «дословного перевода» (монг. *үгчилэн орчуулалга*) в переводческой деятельности монголов.

Принципы перевода, разработанные ойратским просветителем, послужили основой для формирования лексических и синтаксических норм перевода с тибетского языка

на монгольский в XVIII–XIX вв. — периода, когда принципы перевода буддийских сочинений были нормативно закреплены и регламентированы, а без знания тибетского оригинала переводные сочинения понять стало практически невозможно.

Переводы Зая-пандиты не столь жестко регламентированы, как работы поздних монгольских переводчиков, однако в них наблюдается и устойчивый перевод тибетских слов, зачастую противоречащий стилистическим и синтаксическим нормам монгольской грамматики, и редкие, сложные, нехарактерные для живой монгольской речи грамматические конструкции, возникшие под влиянием синтаксиса тибетского языка, а также словосочетания и предложения, созданные искусственно и иногда нарушающие правила монгольского языка.

Ойратские переводы Зая-пандиты не раз привлекали внимание исследователей, в том числе с точки зрения языковых особен-

ностей [Лувсанбалдан 1986; Яхонтова 1996; Омакаева 1995 и др.].

Одной из особенностей ойратской версии сутры «Царь благих пожеланий», перевод которой был осуществлен Зая-пандитой, является устойчивое использование вопросительных адъективных местоимений *ali* и *aliba* как эквивалентов тибетского вопросительного местоимения *gang* и его форм *gang rnam* и *gang yang* [Ходж 1997; Рерих 2001; Парфионович 2007 и др.].

Тибетское вопросительное местоимение *gang* имеет значение «кто, что, какой, который, любой, который из них». Зая-пандитой, как и другими монгольскими переводчиками, оно переводится на ойратский язык вопросительным адъективным местоимением *ali*. Примером того, что монгольские переводчики единодушны в подборе эквивалента этого местоимения, может послужить строка из буддийского сочинения «Манджушри нама сангити»:

Тиб. *rab gsung gang lags bshad du gsol* [bstod-smon: 235].

Ч.О. *ali tede tegüni nomlan soyurq-a*

А.Г. *dayulan abuysan ali sayin nomlan soyurq-a*

З.П. *doun-du abuqci ali bui nomlon soyirxo*

Аг.Г. *dayun egesig ali бүкүү nomlan soyurq-a* [Монгольские переводы 2006: 54].

Рус. В превосходных речах **кто** наставить изволит?

Убедившись, что монгольским эквивалентом тибетского вопросительного местоимения *gang* является вопросительное адъективное местоимение *ali*, рассмотрим употребление этого место-

имения и формы *aliba* в тексте другого буддийского сочинения, переведенного Зая-пандитой. В памятнике «Царь благих пожеланий» нами зафиксированы следующие примеры:

Тиб. *'das-pa'i sangs rgyas rnam dang phyogs bcu-yi*

Ойр. *nöqčiqsön xamıq burxan kige:d arban zügiyin ||*

Рус. Всем ушедшим [в нирвану] буддам и в десяти направлениях

Тиб. *'jig-rten dag-na gang bzhags mchod-gyur cig*

Ойр. *yertüncüdü ali aqsadi takin*

Рус. Вселенной **тем** существующим [Буддам совершаю] подношения.

Тиб. *gang yang ma-byon de-dag rab-myur-bar*

Ойр. *aliba ire: ödüi tede maši türgene*

Рус. **Когда бы ни было** в будущем, [пусть] они очень быстро

Тиб. *bsam-rdzogs byang-chub rim-par sangs-rgyas spyon*

Ойр. *sanagsan büten bodhi-du ulam burxan bolun*

Рус. Осуществляя свои намерения, в просветлении став буддой... [13]¹.

¹ В работе принят следующий принцип нумерации стихов и стихотворных строк: первая цифра обозначает номер четверостишия, вторая и последующие — порядковые номера строк.

Местоимения *aliba* и *ali* выполняют такие же синтаксические функции, как и прилагательные, т. е. могут быть определением или именной частью сказуемого [Яхонтова 1996: 73]. Н. С. Яхонтова отмечает, что ме-

стоимение *ali*, находясь перед причастием, которое является определением к существительному, имеет значение 'какой бы ни, любой' [Яхонтова 1996: 77].

Тиб. *bzang-po spyod-pa'i smon-lam bsngos-pa yi*

Ойр. *sayin yabudaliyin irö:l irö:qsön-ye:r*

Рус. Посвящением благих пожеланий о высшем Пути

Тиб. *bsod-nams dam-pa mtha'yas gang thob des*

Ойр. *kiza:r ügei de:dü buyani ali olugsan töüge:r*

Рус. Обретением тех высших, **каких бы ни было** безграничных добродетелей [61: 1, 2].

Кроме того, вопросительные местоимения, имеющие в препозиции слово *ali* или удваивающиеся, получают обобщительное или неопределенное значение [Яхонтова

1996: 78]. Приведем пример использования вопросительного местоимения *ali* в сочетании с местоимением *zarim* из ойратского перевода текста «*biliq barmaid orošibo*»:

Тиб. *rigs-kyi bu'am rigs-kyi bu-mo gang la-la shes-rab kyi pha-rol-tu phyin-pa zab-mo spyod-pa spyad-par 'dod-pa des 'di ltar rnam-par blta-bar bya-ste* [bstod-smön: 175]

Ойр. *izourtani köböün buyu izourtani okin ali zarim biligiyn činadu kürüqsen gün yabudal- ye:r yabuxu duratai tere ene metü teyin üzen üyiledümüi* [Xutuqtu sayin].

Рус. Благородный сын или благородная дочь, **кто-нибудь**, желающий идти путем глубинного совершенства мудрости, тот, так видя, поступает.

Удваивающееся местоимение *ali* приобретает значение обобщенности и неопределенности:

Тиб. *gang-dang gang dag-ldan-pa'i thub-rnams...di gsungs-pa* [bstod-smön: 3].

Ойр. *ali kige:d ali sayitur tögüsün čidaqči noyoud...öüni nomloqson* [yeke delger 2004: 89].

Рус. **Некоторые** превосходно совершенные мудрецы...этому наставляли.

Как отмечается далее, такое же значение имеет сочетание местоимения *ali* 'какой' с частицей *ba* [Яхонтова 1996: 78]. Различий между употреблением двух вышеуказанных местоимений не выявляется. Однако при сопоставлении текста тибетского оригинала сутры «Царь благих пожеланий» и его ойратского перевода появляется определенная закономерность в использовании обоих местоимений, которая также позволяет выявить семантические различия между ойратскими местоимениями. Так, тибетское

вопросительное местоимение *gang* везде устойчиво переводится местоимением *ali*, тогда как форма *aliba* преимущественно используется Зая-пандитой как эквивалент тибетских *gang rnams* и *gang yang*. Форма *gang rnams* является письменной формой множественного числа от местоимения *gang*, а *gang yang* имеет значение 'кто бы ни был, что бы ни было, когда бы ни было, какой бы ни был' и т. п.

Рассмотрим примеры устойчивого перевода тибетской частицы *gang*:

Тиб. *mya-ngan 'da'-ston gang bzhed de-dag la*

Ойр. *yaslang-e:ce nöqčiküi ali üzüülüin ta:laqči tedendü*

Рус. **Тех**, кто [готовы] явить Уход от печали [11: 1].

Тиб. *bdag-gi spyod dang mtshungs-par gang spyod-pa*

Ойр. *mini yabudal-lуҕа: adali ali yabuqči*

Рус. [Пусть] **те**, кто [действует] подобно мне

Тиб. *de-dag dang-ni rtag-tu 'grog-par shog*
 Ойр. *tede-lüge: basa nasuda nöküçökü boltuyai*
 Рус. Пусть они постоянно [становятся моими] друзьями [23: 1, 2].

Местоимение *aliba* выступает как эквивалент тибетского местоимения *gang* — *gang rnams* и *gang yang*:

Тиб. *gang rnams phyogs-bcu'i 'jig-rten sdron-ma rnams*
 Ойр. *aliba arban zügiyin yertüncüyin zulus*
 Рус. **Сколько бы ни было** светочей в десяти направлениях вселенной [10: 1].

Тиб. *phyogs-bcu'i sems-can gang rnams ji-snyed-pa*
 Ойр. *arban zügiyin aliba amitan kedüi bui*
 Рус. **Сколько [ни] есть** живых существ в десяти направлениях [15: 1].

Тибетская грамматика допускает наличие формы множественного числа у местоимения *gang*, тогда как ойратский вариант в форме множественного числа невозможен. В этих условиях Зая-пандита использует при переводе местоимение *aliba*, отличное

от *ali*, как того требуют правила дословного перевода текста. Подобное явление вызвано невозможностью подобрать более близкий по смыслу монгольский эквивалент. По-другому обстоит дело с переводом тибетского выражения *gang yang*:

Тиб. *'gro-ba kun-gyi bsod-nams gang-la yang*
 Ойр. *xamuiq amitani aliba buyan ||*
 Рус. [Всем], **какие бы ни были** благие заслуги живых существ [9, 3].

Тиб. *gang yang ma-byon de-dag rab-miur-bar*
 Ойр. *aliba ire: ödüi tede maši türgene*
 Рус. **Когда бы ни было** в будущем, [пусть] они очень быстро

Тиб. *bsam-rdzogs byang-chub rim-par sangs-rgyas spyon*
 Ойр. *sanaqsan büten bodhi-du ulam burxan bolun*
 Рус. Осуществят намерения, став Пробужденными буддами [13: 3, 4].

Тиб. *gang yang bskal-pa dus-gsum tshad de-dag*
 Ойр. *aliba yurban cagiyin yalabiyin kemze: teden du*
 Рус. **В какие бы ни было** измерения кальп трех времен

Тиб. *skad-cig cha-shas-kyis ni zhugs-par spyad*
 Ойр. *tede nige aqšini xubidu oron üyiledsü*
 Рус. [Да] войду я лишь за долю мгновения! [32: 3, 4].

В первом случае местоимение *aliba* является эквивалентом формы множественного числа тибетского вопросительного местоимения *gang*, что придает ему оттенок обобщенности и неопределенности. Во втором случае это местоимение обозначает неопределенность и обобщенность.

Таким образом, рассмотрение функционирования двух семантически близких монгольских местоимений в ойратском пере-

воде буддийского сочинения «Царь благих пожеланий», позволяет сделать выводы. Между двумя ойратскими вопросительными адъективными местоимениями *ali* и *aliba* имеется разница, которая, исходя из вышеприведенных примеров, заключается в том, что первое выполняет более точно вопросительную функцию, тогда как второе выражает обобщенность, неточность и неопределенность.

Условные сокращения

Монг. – монгольский	А. Г. – Аюши гуши
Тиб. – тибетский	З. П. – Зая-пандита
Ойр. – ойратский	Аг. Г. – Агван гуши гэлун
Рус. – русский	Нама сангити – монгольские переводы «Манджушри нама сангити»
Ч. О. – Чойджи Одсер	bstod smon - bstod smon phyogs bsgrigs

Источники

Перих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под ред. Ю. Парфинович и В. Дылыкова. Вып. 1–11. М.: Наука, 1983–1993.

Төвд-монгол толь бичиг. Эмхэтгэсэн А. Баясгалан. Хянан тохиолдуулсан Т. Булган. Улаанбаатар, 1995. 255 х.

Төвд-монгол толь / Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Хянан тохиолдуулсан Ш. Чоймаа. Нэмэн засварласан тав дахи хэвлэл. Улаанбаатар, 2013. 535 х.

mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzhugs-so. Циньхай, КНР, 946 л. год изд. и тип. не указаны. bstod smon phyogs bsgrigs. mtsho sngon mirigs dpe-skrun khang, Taiwan, 1996. 376 p.

Xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin xa:n. Рукопись. Фотокопия из коллекции автора. Ориг. хранится у Г. Ядамжава. Манхан сомон Кобдоского аймака Монголии.

Yeke delger todo bičiq / Ч. Сундуй. Улаанбаатар, 2004. 108 с.

Монгольские переводы «Манджушри нама сангити». Сост. А. Г. Сазыкин. Университет Киото, 2006. 262 с.

Литература

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.

Лувсанбалдан Х. Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1986. С. 44–56.

Ойратский словарь поэтических выражений. Факс. рукоп., транслит., введ., пер. с ойрат., слов. с коммент., прил. Н. С. Яхонтовой. Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.

Омакаева Э. У. Некоторые вопросы грамматики старописьменного монгольского и тибет-

ского языков в сравнительном освещении // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИИФЭ, Республик. тип., 1987. С. 63–73.

Омакаева Э. У. Некоторые проблемы изучения ойратских и тибетских буддийских сочинений // Междунар. конф. “Памятники духовной, материальной и письменной культуры древнего и средневекового Востока (создание баз данных)”. Тез. докл. М., 1995. С. 58.

Омакаева Э. У. Письменная традиция // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 382–387.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2000. 182 с.

Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М.: КомКнига, 2007. 176 с.

Перих Ю. Н. Тибетский язык. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 136 с.

Сазыкин А. Г. Ойратская версия «Манджушри нама сангити» // Mongolica – VI. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. С. 73–81.

Ходж С. Введение в классический тибетский язык / пер. с англ. Б. М. Нармаева. СПб.: Дадан Гунзэчойнэй, 1997. 200 с.

Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // MONGOLICA V. 2001. С. 54–74.

Чоймаа Ш. Перевод с монгольского письменного языка и тибетско-монгольская лексикографическая традиция / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Ин-т языкознания РАН; Изд-во «Канцлер», 2015. С. 566–578.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996. 152 с.

Батнайрамдал Ч., Мөнх-Эрдэнэ Ц. Төвд хэлний дүрэм. Улаанбаатар: Хаан принтинг ХХК, 2010. 182 х.

Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.

Sources

[Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: Mongolian Translations]. A. G. Sazykin (comp.). Kyoto: Kyoto University, 2006. 262 p. (In Mong.)

[Tibetan – Mongolian Dictionary]. A. Bayasgalan (comp.), T. Bulgan (ed.). Ulaanbaatar, 1995. 255 p. (In Tib. and Mong.)

[Tibetan – Mongolian Dictionary]. D. Bürnee, D. Enkhтөр (comps.). Sh. Choymaa (ed.). 5th ed., rev. Ulaanbaatar, 2013. 535 p. (In Tib. and Mong.)

Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon mirigs dpe-skrun khang. Taiwan, 1996. 376 p. (In Tib.)

Mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzhugs-so. Qinghai. 946 p. (In Tib.)

Roerich Yu. N. [Tibetan – Russian – English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Yu. Parfinovich, V. Dylykov (eds.). Vols. 1–11. Moscow: Nauka, 1983–1993. (In Tib., Russ., Eng. and San.)

Xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin xa:n. Author’s photocopy of the manuscript owned by G. Yadamzhav (Mankhan District, Khovd Province, Mongolia). (In Mong.)

Yeke delger todo bičiq. Ch. Sunduy (ed.). Ulaanbaatar, 2004. 108 p. (In Mong.)

References

[Dictionary of Oirat Poetic Expressions]. N. S. Yakhontova (introd., trasl., etc.). Institute of Oriental Manuscripts (RAS). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Oir. and Russ.)

Batnayramdal Ch., Mönkh-Erdene Ts. [Tibetan Grammar]. Ulaanbaatar: Khaan Printing Ltd., 2010. 182 p. (In Mong.)

Choymaa Sh. Translating from Classical Mongolian: Tibetan-Mongolian lexicographic tradition. In: [Russian-Mongolian Linguistic Collection]. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Institute of Linguistics (RAS); Kantsler, 2015. Pp. 566–578. (In Russ.)

Hodge S. An Introduction to Classical Tibetan. B. M. Narmaev (transl.). St. Petersburg: Datsan

Gunzechoyney, 1997. 200 p. (In Russ.)

Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)

Luvsanbaldan Kh. Data on translations made by Zaya Pandita of the Oirats. In: [Philological Studies of Old Written Monuments]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1986. Pp. 44–56. (In Russ.)

Muzraeva D. N. [Tibetan and Oirat Language Buddhist Sources in Collections of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)

Omakaeva E. U. Classical Mongolian and Tibetan: some aspects of grammar in a comparative perspective. In: [Philological Studies of Old Written Monuments]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 63–73. (In Russ.)

Omakaeva E. U. Oirat and Tibetan Buddhist texts: some problems of research revisited. In: [Ancient and Medieval Orient (Establishing Databases): Monuments of Spiritual, Material and Written Culture]. Conf. abstracts. Moscow, 1995. P. 58. (In Russ.)

Omakaeva E. U. Written tradition. In: [The Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 382–387. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. [Language of 13th – 14th Century Mongolian Texts]. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2000. 182 p. (In Russ.)

Parfionovich Yu. M. [Written Tibetan]. Moscow: KomKniga, 2007. 176 p. (In Russ.)

Roerich Yu. N. [Tibetan Language]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 136 p. (In Russ.)

Sazykin A. G. Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: an Oirat version. In: [Mongolica – VI]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 73–81. (In Russ.)

Tsendina A. D. The Book of the Son: two Mongolian translations of the Tibetan text. In: [Mongolica – V]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 54–74. (In Russ.)

Yakhontova N. S. [17th–Century Oirat Literary Language]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)